

РОССИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: О.ШПЕНГЛЕР О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Новая политическая ситуация всякий раз порождает и новую теоретическую рефлексию, со временем приобретающую форму клише, что становится очевидным по мере того, как в истории происходят дальнейшие сдвиги. Потому весьма полезно возвращаться к некоторым давно возникшим теоретическим концепциям, которые своевременно не были прочитаны и глубоко освоены, а теперь, в связи с возрастающей непредсказуемостью текущих событий, способны предложить ключ к их осмыслению. Такой концепцией можно назвать опубликованный в 1918 году философский бестселлер Освальда Шпенглера «Закат Европы». Если первый том сочинения Шпенглера в России был своевременно издан и всесторонне изучен, а высказанные в нем идеи стали хрестоматийными, то о втором его томе этого сказать нельзя.

Во втором томе «Заката Европы» Шпенглер пытается понять не только взаимоотношения удаленных во времени культур, но и ситуацию текущего момента, то есть первых десятилетий XX в. Определяющим событием этого периода являлся переход западной культуры к финальной стадии. Этот переход приводит к радикальным изменениям и новым политическим расстановкам, которым в первом томе не было уделено внимания.

Талантливым комментатором проблематики второго тома «Заката Европы» является современный российский философ В.Цымбурский, использующий идеи Шпенглера как исходную точку для объяснения того, что произошло в истории XX в. Цымбурский обращает внимание на значимость «городской революции», обозначающей переход к стадии цивилизации. Для этой революции характерно столкновение реформационных и контрреформационных волн.

В XX в. подобную революцию переживали и западные страны, и Россия, где индустриализация развертывалась за счет уничтожения аграрного сектора,

восстановление которого до сих пор представляет острую проблему. Прочитав суждение В.Цымбурского, позволяющее понять значимость городской революции, в том числе, и в ее российском варианте: «Вглядываясь в содержание впервые воссозданного Шпенглером формативного цикла цивилизаций – высоких культур, мы видим, что в центре этого цикла оказывается переход от высокой культуры аграрно-сословного общества с воздвигнутой им сакральной вертикалью, проецирующей его уклад и геополитику в план последних мировых причин и целей, к культурному и политическому господству города с его особыми, отчужденными от вегетативных ритмов “земли – матушки” мироощущением и жизненным стилем. Это культурно-политический переворот, или городская революция, часто обретает облик идеологической или религиозной революции, которая прочерчивает новый “путь спасения” либо предлагает новый способ космического оправдания для горожанина, более отвечающие особенностям его жизненного и духовного опыта»[1, с.139]. Следствием городской революции как начала вхождения в фазу цивилизации является то, что в историю в качестве действующих сил, наряду со знатью и духовенством, включается новая необычайно активная сила, которая ранее о своей активности не заявляла.

Эту силу или «неупорядоченную массу» Шпенглер называет «несословием». Обнаруживая эту силу, Шпенглер отмечает ее решающую роль в последующем развертывании истории. Активность «несословия» подготовлена ситуацией, возникшей в XIX в. в результате интенсивных урбанизационных процессов.

Эта ситуация имела место в истории разных культур и раньше. Шпенглер пишет: «В больших городах, которые единолично все теперь и определяют..., собираются отряды населения, утратившего почву, находящегося вне каких-либо общественных связей. Оно не ощущает своей принадлежности ни к какому бы то ни было сословию, ни к какому бы то ни было профессиональному классу, в глубине души даже к рабочему классу оно не принадлежит, хотя оказывается вынужденно работать; по своему инстинкту

сюда могут относиться члены всех сословий и классов – стронутые с земли крестьяне, литераторы, разорившиеся деловые люди, но прежде всего сбившаяся с пути аристократия, что с ужасающей ясностью обнаружила эпоха Катилины. Их сила далеко превосходит их численность, потому что они всегда тут как тут, всегда поблизости великих решений, готовые на все и лишённые какого-либо благоговения перед всем упорядоченным, пускай даже то будет порядок внутри революционной партии»[2, с.424].

Эта неупорядоченная масса, несословие, оказывается способной разрушить ту форму, которая, будучи достигнутой тем или иным народом в процессе длительной истории, придавала культуре стабильность, устойчивость и целостность. Однако активность неупорядоченной и неорганизованной массы объясняется не только возникшим на поздних этапах истории городским стилем жизни. Эту активность Шпенглер связывает еще и с либерализмом, а точнее, с просчетами в действиях либералов, когда они приходят к власти.

Шпенглера нельзя назвать сочувствующим либерализму. От его взгляда не ускользает то, что ошибки либералов во все эпохи, их неспособность организовать политическую и хозяйственную жизнь во многом являются причиной возникновения в переходных ситуациях такого явления как цезаризм: «цезаризм растет на почве демократии...»[2, с.495]. Ведь начиная революцию, либералы оказываются неспособными удерживать ее в конституционных формах, и начавшись как прогрессивное историческое явление, она трансформируется в кровавую катастрофу. Эту мысль Шпенглера можно было бы проиллюстрировать русской февральской революцией, о чем справедливо писал А.Солженицын [3, с.134].

Для Шпенглера парламентаризм – это переход к эпохе «великих одиночек посреди сделавшегося бесформенным мира»[2, с.442]. Революционные эпохи чреваты распадом культурных традиций. «...Все учреждения, с какой бы тщательностью ни поддерживались они в правильном состоянии, начиная с этого момента не имеют ни смысла, ни веса. Значима лишь всецело персональная власть, которой в силу своих способностей пользуется Цезарь

или кто угодно другой на его месте. Это возврат из мира завершенных форм к первобытности, к космически-внеисторическому. На место исторических эпох снова приходят биологические периоды»[2, с.460].

Мысль Шпенглера представляется нам весьма пронизательной. Разве «оттепель» Серебряного века, как и сопровождавшая ее активность русского либерализма, двигающегося к буржуазной февральской революции, не предвосхищает взрыв 1917 года и активность неупорядоченной и неорганизованной массы, за которой последует вспышка цезаризма в лице Сталина? Ведь именно ему пришлось выводить страну из смуты, возникшей в результате столкновения реформационных и контрреформационных сил. Именно ему удастся, используя выражение Цымбурского, «породить новую сакральную вертикаль и начать государственное созидание под ее знаком»[1, с.140]. Но результатом этих усилий по поднятию сакральной вертикали, становится неопределенность в понимании, что же мы получили в итоге: Реформацию (продолжение революции и ленинского курса) или же Контрреформацию, ведь Сталин глубоко зачерпнул из прошлого, из Средневековья, восстанавливая империю в ее византийском варианте. Олицетворяемая Сталиным эпоха цезаризма оказалась тем периодом в истории революции, который можно было бы обозначить как реакцию. Но реакция – это финальная стадия революции. Потому можно сказать, что эпоха правления Сталина – это закономерное продолжение революции.

Объясняя этот процесс, Шпенглер говорит уже не о «душах» разных культур, но о присутствии в каждой культуре двух противостоящих сил, двух душ или двух начал: начала существования и начала бодрствования. Эти начала предстают в истории в так называемых «прасословиях» – рыцарском и духовном. Противостояние этих сословий для понимания морфологии каждой культуры весьма важно. Рыцарское сословие отличается привязанность к земле, почве и месту происхождения. Это прасословие, отождествляемое со стихией существования, преследует лишь одну цель – жизнь ради жизни.

В.Цымбурский это мировосприятие отождествляет с «партией жизни». «Партия жизни» процветает, пока культура разворачивается в аграрной среде, то есть до интенсивных урбанизационных процессов, до «городской революции». «Партии жизни» всегда противостоит то, что Цымбурский называет «партией ценностей», соотносимой в истории с началом бодрствования. Эту «партию» интересует не жизнь, но возможность жизнь контролировать и оценивать с точки зрения каких-то идей и ценностей. Именно носители второй «партии» и предстают в время «городской революции» разрушителями институтов, выстроенных «партией жизни».

Согласно Цымбурскому, большевистская революция в России – это также восхождение «партии ценностей», оттесняющей от власти «партию жизни». Революционный переворот, в результате которого к власти приходит «партия ценностей», Цымбурский называет «Реформацией». Затем на смену Реформации, ценности которой удавалось удерживать на протяжении нескольких десятилетий, приходит Контрреформация. Неслучайно Цымбурский вспоминает Солженицына, который, призывая преодолеть идеи и наследие большевизма, говорит о необходимости возрождения той культуры, которая в России была до 1917 года и которую, как было сформулировано в одном из фильмов С.Говорухина, «мы потеряли». Цымбурский пишет: «Голос Солженицына зазвучал одним из голосов русской Контрреформации, стремящейся вернуть дореформационные ценности новому горожанину, созданному большевистскими десятилетиями»[1, с.483]. По сути, речь идет о восстановлении того, что Шпенглер называет «формой», без которой культура существовать не способна. И только «партия жизни» способна дать творческий ответ на тот вызов истории, который стал негативным результатом деятельности «партии ценностей».

Чтобы продемонстрировать актуальность этих идей Шпенглера, процитируем суждение Б.Межуева: «Финальные пассажи “Заката Европы”, написанные в преддверии кризиса капитализма начала 1930-х, сегодня звучат еще более актуально, когда, с одной стороны, всем и в самом деле “опротивела

капиталистическая экономика”, а, с другой, действительно “рассеялись грезы о возможности улучшить действительность” с помощью Маркса. И, судя по всему, выход из тупика будет обнаружен именно в указанном Шпенглером направлении –в утверждении или, скажем осторожнее, попытке утверждения в ситуации экономического хаоса некоей новой глобальной власти, власти тех сил, которые сохранили в себе волю к жизни. Нельзя исключить, что эти силы представляют собой в том числе и разнообразные осколки аристократических домов Европы, которые вполне могут возвести на “трон” какого-нибудь “глобального императора”»[4, с.167].

Мысль Шпенглера оказалась значимой для становления науки о культуре, для становления методологии гуманитарных наук в XX в. В нашей стране осознание негативных последствий функционирования административной системы, с помощью которой в России решались многие проблемы, также привело к оживлению в гуманитарной сфере и к возвращению к культурологической рефлексии. Становление науки о культуре в России возвращает к тем идеям, которые представляют историю культурологической рефлексии, и к таким мыслителям, как Шпенглер. Рецепция идей Шпенглера в России отличается от того, как его воспринимали в его собственной стране и вообще в Западной Европе. Восприятие Шпенглера в России связано с тем, что здесь интеллектуальная сенсация и апокалиптический прогноз не заслоняют научного смысла, не утерявшего своей актуальности до сих пор и связанного с культурологической рефлексией, с отказом от идеи линейной истории, формированием принципа циклизма

Но говоря о втором рождении Шпенглера в России второй половины XX в., нельзя сводить вновь возникший интерес к его идеям лишь к научной стороне дела. Возникшая с середины второго десятилетия XXI в. волна беженцев в западные страны из Ближнего Востока вновь возвращают человечество к обсуждению вопроса о судьбе Запада. Все это является актуальным и по отношению к России. Ведь в чем заключался смысл горбачевской «перестройки» в истории России, как не в активной ассимиляции

ценностей, создаваемых Западом. В России вновь переживали волну вестернизации, чтобы после начать избавляться от нее. В связи с этим взаимодействие России с Западом становится проблемным. Обремененная многочисленными санкциями со стороны Запада, Россия добивается своего признания в мире как самоценной и самостоятельной культуры, хотя в ситуации развернувшейся глобализации на Западе это воспринимается как вызов.

Происходящий сегодня в России поворот к Востоку является реакцией на отторжение России Западом, всегда подозрительно относившимся к ее самостоятельности, но и стран, оказывающимися в зависимости от цивилизации-лидера. Однако само по себе это не ново: такой поворот России к Востоку происходил и в те времена, когда в России обсуждали только что вышедшую книгу Шпенглера, в которой тот сформулировал свое недоверие к европоцентризму. Именно тогда группа русских мыслителей, которых будут называть евразийцами, уже прогнозировала будущий поворот России в сторону Востока. Но по сути евразийцы лишь демонстрировали то, что уже было и в концепции Шпенглера. Эту близость евразийцев к Шпенглеру пронизательно фиксирует Б.Старостин. Он констатирует, что идеи Шпенглера близки не столько славянофилам, сколько евразийцам. «В пользу сближения Шпенглера с евразийцами мог бы говорить и тот факт, что для него “татары и турки в своих жизненных проявлениях к русским ближе, чем немцы, французы и англичане”». Однако при всей субъективной тенденции Шпенглера сблизить Россию с Востоком (ибо он острее воспринимал и по понятным причинам обращал больше внимания на расхождения России с Западом, чем с Востоком) Шпенглер не мог не описать в русской культуре и многих черт, роднящих ее с Западом, даже если абстрагироваться от черт, проникших в нее в результате петровских реформ. Такового, например, явно допетровское стремление к освоению новых пространств, проявившихся еще в XVI – XVII вв. в завоевании Сибири»[5, с.57].

В начале 20-х гг. Г.Флоровский писал: «Исторического взаимодействия России с Азией не приходится отрицать, и верно, что до сих пор мы это мало знали. Русскую Азию до сих пор мало изучали, и мало чувствовали и понимали русские задачи в Азии» [6, с.257]. Это суждение было реакцией на то, что после революции 1917 года евразийцы увидели в советской действительности «полуазиатское» лицо России. Вот как Флоровский, цитируя евразийцев, воспроизводит эту ситуацию: «Заговорили на своих признанных теперь официальными языках разные туранские народы, татары, киргизы, башкиры, чуваша, якуты, буряты, монголы стали участвовать наравне с русскими в общегосударственном строительстве, и на самих русских физиономиях, ранее казавшихся чисто славянскими, теперь замечаешь что-то тоже туранское; в самом русском языке зазвучали какие-то новые звукосочетания, тоже «варварские», тоже туранские. Словно по всей России опять, как семьсот лет тому назад, запахло жженым кизяком, конским потом, верблюжьей шерстью-туранским, кочевым... И встает над Россией тень великого Чингисхана, объединителя Евразии...»[6, с.257].

Восточная стихия всегда присутствовала в самой России. Ее ощущал и Шпенглер, о чем и свидетельствуют некоторые его суждения. Он был далек от того, чтобы констатировать «прописку» России на Западе: «Одно только слово “Европа” с возникшим под его влиянием комплексом представлений, связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в некое ничем не оправданное единство. Здесь в культуре воспитанных на книгах читателей, голая абстракция привела к чудовищным фактическим последствиям. Олицетворенные в Петре Великом, они на целые столетия извратили историческую тенденцию примитивной народной массы, хотя русский инстинкт с враждебностью, воплощенной в Толстом, Аксакове и Достоевском, очень верно и глубоко отмежевывает “Европу” от “матушки России”»[2, с.145].

Ф.Достоевский говорил: «Русский не только европеец, но и азиат»[7, с.33]; «В грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход» [7, с.33]. Также он говорил: «Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами,

преследует нас уж чуть не два века. Но особенно этот стыд усилился в нас в нынешнем девятнадцатом веке... Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), – этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы заплатились за него и утрату духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых бог знает сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты»[7, с.33]. А ведь смысл этого высказывания вполне совпадает с идеей Шпенглера о псевдоморфозе применительно к России. Задолго до известной формулы Л.Гумилева Достоевский писал: «А между тем Азия – да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем, – опять восклицаю это. И если бы совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи – о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, - ведь это тоже наш больной корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо! Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело – вот что необходимо»[7, с.36].

В какой-то степени расхождение России с Западом явилось следствием русской революции 1917 года, разорвавшей связь России с западным дискурсом, который русской культуре отказывает в самобытности. В эпоху большевизма Россия уже демонстрировала поворот в сторону Востока, хотя больше на уровне теории. Сегодня этот поворот приобретает практический и политический смысл. Сторонников евразийской идеи в России при советской власти было немного, но они все же были. В данном случае следовало бы вспомнить фразу Л.Гумилева, сказанную им в интервью 1992 года: «знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»[8, с.482]. Вопрос о самоидентификации в первых десятилетиях XX в. по-прежнему оказывается для России насущным. Актуальность философии Шпенглера объясняется актуальностью проблематики идентичности народов, в том числе, русского,

вступивших в очередную проблемную фазу мировой истории и вынужденных снова и снова ставить вопрос «Кто мы?»

Литература

1. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993-2006. М., 2007.

2. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х т., т. 2. Всемирно- исторические перспективы. М.: Мысль., 1998.

3. *Хренов Н.А.* Имперский комплекс России и его критики: А.И.Солженицын // Личность и творчество А.И.Солженицына в современном искусстве и литературе. Материалы Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А.И.Солженицына. Москва. 15-17 марта 2017 года. Государственный институт искусствознания. Дом русского зарубежья им. А.Солженицына. Русский благотворительный фонд Александра Солженицына М., Государственный институт искусствознания, Русский путь. М., 2018.

4. *Межуев Б.* Политическая критика Вадима Цымбурского. М.: Изд-во «Европа»., 2012.

5. *Старостин Б.* Историософия Шпенглера в наше время // Европейский альманах: История. Традиция. Культура. М., 1991.

6. *Флоровский Г.* Евразийский соблазн // Русские между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М., Наука. 1993.

7. *Достоевский Ф.* Полн. собр. сочинений. : в 30 т., т. 27., Л., 1982.

8. Основы евразийства. М.: Арктгея центр., 2002.